А. С. Архангельскій.

СОРОКЪ ЛѢТЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА

И. В. ЯГИЧА

(1861—1901).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашева и К^ие^", Фонтанка, 95.
1901.

ПРОСВ. 1901 5

PV
159.6

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1901 годъ.

БИБЛІОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМІИ

620
35

Въ настоящемъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, исполнилось сорокъ лѣтъ ученой дѣятельности наиболѣе выдающагося представителя современной славянской филологіи—академика И. В. Ягича. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году, въ одномъ изъ незначительныхъ южно-славянскихъ ученыхъ изданій явился первый печатный трудъ только-что начинавшаго тогда свою научную дѣятельность, молодого преподавателя Загребской гимназіи И. В. Ягича,—нынѣ знаменитаго слависта: это были *Замѣчанія о сербской народной поэзіи* (Pabirci po cvieću našega norodnoga pjesničtva), напечатанныя въ программѣ Загребской гимназіи (Извѣстія Загребской гимназіи, 1861, 4°, 21 стр.). Пользуемся исполняющимся нынѣ сорокалѣтіемъ перваго научнаго труда академика Ягича,—чтобы припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, важнѣйшія черты сорокалѣтней дѣятельности этого ученаго, стоящаго нынѣ въ рядахъ лучшихъ научныхъ дѣятелей Европы.

И. В. Ягичъ является дѣйствительно представителемъ не только русской, южно-славянской, но въ полномъ смыслѣ европейской науки,—не только по высокому научному достоинству и цѣнности своихъ работъ, но и по самымъ внѣшнимъ условіямъ своей жизни и дѣятельности. Родомъ хорватъ (род. въ Вараджинѣ, въ Хорватіи, въ 1838 г.), высшее образованіе свое И. В. Ягичъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ; начавши свою офиціальную дѣятельность преподавателемъ въ Загребской гимназіи (въ 1860 г.), Ягичъ послѣдовательно является профессоромъ славянской филологіи въ Одессѣ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ, наконецъ въ Вѣнѣ,—гдѣ остается и до сихъ поръ; одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей С.-Петербургской Академіи Наукъ, И. В. Ягичъ въ то же время дѣя-

тельный членъ академій наукъ Вѣнской и Берлинской; славянинъ-хорватъ, бывшій русскій профессоръ, какъ природный русскій говорящій и пишущій по русски,—И. В. Ягичъ въ то же время основатель и редакторъ чисто европейскаго, по своимъ научнымъ достоинствамъ, нѣмецкаго журнала,—посвященнаго интересамъ славянской филологіи...

Эта научная спеціальность — славяиская филологія — понимается акад. Ягичемъ весьма широко. Ученые труды его относятся поэтому къ самымъ различнымъ областямъ славянскаго языка и литературы, древнимъ и позднѣйшимъ. И вообще научный характеръ, приданный славянской филологіи академикомъ Ягичемъ, весьма замѣтно отличался отъ того направленія научныхъ изслѣдованій, которое господствовало въ этой области сравнительно еще такъ недавно,—когда главнымъ представителемъ славистики на западѣ былъ извѣстный Миклошичъ († 1891), предшественникъ Ягича въ Вѣнскомъ университетѣ, оставившій каѳедру здѣсь въ 1885 г. и указавшій своимъ преемникомъ Ягича... Заслуги Миклошича въ славянской филологіи, конечно, неоспоримы. „Ученые труды его еще надолго останутся необходимыми, иногда единственными пособіями для всякаго занимающагося или интересующагося вопросами славянскаго языкознанія". Но его научные интересы были слишкомъ односторонни. Въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ онъ почти исключительное мѣсто отводилъ грамматикѣ; вопросы общей славянской культуры и литературнаго развитія народной поэзіи, и т. п. какъ-то мало его занимали... Направленіе ученыхъ трудовъ акад. Ягича несравненно шире, разнообразнѣе, при полной научной объективности; да и область самой филологіи—непосредственно славянское языкознаніе—обязано ему также едва ли не болѣе важными и цѣнными пріобрѣтеніями... Задачи слависта Ягичъ понимаетъ вообще несравненно шире; по мѣткому выраженію акад. Веселовскаго—вмѣстѣ съ Як. Гриммомъ, Ягичъ хочетъ „не только строить дома, но и жить въ нихъ"... Область *языка* находитъ въ акад. Ягичѣ столь же ревностнаго изслѣдователя, какъ и область памятниковъ *собственно литературныхъ*, область произведеній *письменности*, произведеній *устной народной поэзіи*, народной славянской *миѳологіи*, изслѣдованія *археологическія* и т. д. Подъ терминомъ „славянская филологія" акад. Ягичъ вообще понимаетъ такую же широкую совокупность цѣлаго ряда различныхъ дисциплинъ и спеціальностей, какая, въ нераздѣльной цѣльности и единствѣ этихъ, самихъ по себѣ отдѣльныхъ, спеціальностей, обнимается—„какъ нѣчто единое и цѣлостное (als ein Ganzes)"—и соот-

вѣтствующими терминами: „нѣмецкая филологія“. „романская филологія“... Въ своей извѣстной вступительной лекціи въ 1886 году въ Вѣнскомъ университетѣ акад. Ягичъ со всею опредѣленностью высказалъ эти основные взгляды свои на характеръ, который должна носить въ себѣ „славянская филологія“, на ея задачи и цѣли.

Наиболѣе капитальные труды акад. Ягича сосредоточиваются въ области старославянскаго языка и дошедшихъ до насъ памятниковъ самой ранней общеславянской литературы, — памятниковъ той славянской письменности, которая непосредственно примыкала по своему возникновенію и развитію къ эпохѣ перевода на славянскій языкъ книгъ св. Писанія и ближайшихъ къ этому вѣковъ. Изученіе старославянскаго языка, этого „санскрита“ славянской филологіи, полагается Ягичемъ въ основу всего,—и въ этомъ отношеніи онъ одинъ изъ первыхъ съ особой настойчивостью указывалъ на необыкновенную важность этого рода изученій для всѣхъ другихъ отдѣловъ и спеціальныхъ вопросовъ славянской филологіи. Онъ справедливо ставилъ на видъ, что чѣмъ больше отводится мѣста въ филологическихъ изслѣдованіяхъ изученію „славянскаго санскрита“, тѣмъ шире и плодотворнѣе дѣлаются получаемые результаты изученій; „чѣмъ дольше занимаются въ той или другой области славянства изученіемъ старославянскаго языка, тѣмъ глубже и содержательнѣе становится пониманіе и соотвѣтствующаго живого славянскаго нарѣчія“... „Матеріалъ старославянской рѣчи“ вездѣ и всюду является для результатовъ изслѣдованія—наиболѣе плодотворнымъ и цѣннымъ. Съ изученіемъ языка старославянскаго неразрывно соединяется затѣмъ изученіе живыхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ,—славянская діалектологія и т. д.

Особенно важными являются труды Ягича по изданію памятниковъ. И. В. Ягичу принадлежатъ самыя капитальныя изданія въ области древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, выполненныя со всею научною строгостью и тщательностью,—наиболѣе цѣнныя изданія, какими только владѣетъ въ настоящее время славянская филологическая наука, и наряду съ которыми могутъ быть поставлены лишь очень немногіе подобные труды другихъ ученыхъ. Какъ извѣстно,—рядомъ съ знаменитымъ *Остромировымъ Евангеліемъ*, изданнымъ Востоковымъ (весьма существенныя поправки къ этому изданію въ Archiv'ѣ Ягича), памятникомъ кирилловской древнерусской письменности,—наиболѣе древними, извѣстными доселѣ, евангельскими текстами въ славянской

письменности являются три глаголическіе кодекса: 1) такъ называемое *Ассеманіево Евангеліе*, 2) *Маріинское* и 3) *Зографское Евангеліе* (всѣ три кодекса относятся къ X—XI вѣкамъ): всѣ эти три наиболѣе драгоцѣнныя для изслѣдователя рукописи образцовымъ образомъ изданы или при ближайшемъ участіи академика Ягича,—какъ Евангеліе Ассеманіево (издано въ 1865 году Ягичемъ вмѣстѣ съ Rački: *Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*. Zagreb, 1865), или непосредственно имъ самимъ,—какъ кодексы Зографскій и Маріинскій (*Quatuor Evangeliorum, codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.—Памятникъ глаголической письменности. Маріинское Четвероевангеліе. С.-Пб., 1883*). При всѣхъ трехъ памятникахъ къ изданнымъ текстамъ присоединены обширныя руководящія статьи—„введенія“ и примѣчанія, принадлежащія акад. Ягичу, гдѣ дѣлаются самыя тщательныя изученія издаваемаго памятника въ отношеніи языка и вообще лингвистическихъ особенностей. Въ обширномъ „введеніи“, приложенномъ къ *Ассеманіеву Евангелію* (str. XII—XCIX), Ягичемъ впервые бросался свѣтъ на взаимныя отношенія древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, текстовъ славянскаго Евангелія, кирилловскихъ и глаголическихъ,—насколько объ этомъ можно было судить въ то время, по имѣвшимся на лицо текстамъ, когда не были еще извѣстны ни *Зографское Евангеліе*, ни *Маріинское*. Между прочимъ акад. Ягичъ впервые намѣтилъ здѣсь отличія этого глаголическаго текста, со стороны лексикологіи, отъ древнѣйшихъ евангельскихъ текстовъ кирилловскихъ,—указалъ цѣлый рядъ словъ, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ болѣе или менѣе отличительные признаки глаголическаго евангельскаго текста, сравнительно съ евангельскимъ текстомъ кирилловскихъ рукописей, напримѣръ *Евангелія Остромирова* и, вообще, наиболѣе ранняго славянскаго перевода Евангелія, сравнительно съ его болѣе поздними продолжателями: точка зрѣнія, которая тщательно разрабатывается позднѣйшими изслѣдователями, при чемъ въ этихъ позднѣйшихъ изысканіяхъ новыми данными вполнѣ подтверждается многое изъ того, что было высказано Ягичемъ въ его „введеніи“... Рядомъ съ тремя названными монументальными трудами акад. Ягича, нельзя не назвать четвертаго, тѣсно съ ними связаннаго—изданія древнѣйшаго славянскаго кодекса богослужебнаго, дошедшаго до насъ текста *древнерусскихъ служебныхъ Миней 1096—1097 г.* Трудъ изданъ нашей Академіей Наукъ (*Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводѣ, по русскимъ рукописямъ 1096—1097 г.*

С.-Пб., 1886). Изъ болѣе позднихъ трудовъ этого рода акад. Ягича отмѣтимъ его ближайшее участіе въ изданіи извѣстнаго *Мирославова Евангелія*,—знаменитаго сербскаго памятника XII вѣка, имѣющаго значеніе не только въ исторіи старѣйшихъ текстовъ славянскаго Евангелія, но также и въ исторіи древнѣйшаго юго-славянскаго искусства [рукопись украшена множествомъ великолѣпныхъ миніатюръ],— и позднѣйшій трудъ по обслѣдованію рукописи такъ называемаго *Добромирова Евангелія*, также XII вѣка, пріобрѣтеннаго въ 1900 году нашей Императорской Публичной Библіотекой: *Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache XII Jahrhunderts. I—II. Wien, 1898* (Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Band CXL). Путемъ подробнаго сличенія этого памятника съ другими древнѣйшими славянскими изводами евангельскаго текста, акад. Ягичъ приходитъ къ выводу, что *Добромирову Евангелію* принадлежитъ выдающееся мѣсто среди памятниковъ церковно-славянской письменности, какъ списку съ одного изъ наиболѣе древнихъ изводовъ церковно-славянскаго перевода Евангелія: оригиналъ *Добромирова Евангелія* находится въ ближайшемъ родствѣ съ текстами *Ассеманіева, Зографскаго* и *Маріинскаго Евангелій*,—отличаясь вмѣстѣ съ ними отъ южно-славянскаго оригинала нашего *Остромирова Евангелія*. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Ягича, указываетъ на болгарскій источникъ,—между тѣмъ какъ *Добромирово Евангеліе* и сходныя съ нимъ глаголическія евангелія восходятъ къ македонскому оригиналу; восточные или болгарскіе изводы легли въ основаніе русскихъ, а западные или македонскіе—въ основаніе сербскихъ и хорватскихъ евангельскихъ текстовъ. Этотъ позднѣйшій трудъ Ягича даетъ новыя подтвержденія для тѣхъ мнѣній и выводовъ, которые уже были высказаны нашимъ знаменитымъ изслѣдователемъ въ сей часъ упомянутомъ нами его „введеніи“ къ *Ассеманіеву Евангелію* (Загребъ, 1865). На выясненіе именно этого вопроса о редакціяхъ, которыя столь рано принимаются начальнымъ текстомъ славянскаго перевода св. Писанія, на выясненіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ стоялъ къ начальной славянской письменности, глаголической и кирилловской,—по слѣдамъ старыхъ и новыхъ разысканій акад. Ягича направлены въ настоящее время изслѣдованія цѣлаго ряда позднѣйшихъ ученыхъ: Oblak'a, Waljavec'a, Wondrak'a, Михайлова.

Не упоминаемъ сдѣланныхъ акад. Ягичемъ изданій менѣе обширныхъ славянскихъ текстовъ, библейскихъ и богослужебныхъ, — та-

кихъ его трудовъ, какъ изданіе отрывковъ изъ *Глаголической книги* апостольскихъ чтеній, сравнительно съ другими списками (1867), какъ чрезвычайно цѣнный провѣрочный трудъ его по изданной Срезневскимъ *Саввиной книгѣ* (Archiv, 1881, V), какъ извѣстные его „Образцы“ церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ, глаголическимъ и кирилловскимъ (С.-Пб., 1871), столь важные особенно для начинающаго изслѣдователя, куда вошло много новыхъ, до того времени бывшихъ неизданными текстовъ,—или цѣлаго ряда древнихъ текстовъ хорватскихъ, сербскихъ и болгарскихъ, изданныхъ и обслѣдованныхъ Ягичемъ въ Starine'хъ и т. д. и т. д. [1]).

Не можемъ не отмѣтить здѣсь однако одного изъ наиболѣе раннихъ трудовъ акад. Ягича общаго характера, до сихъ поръ сохраняющаго все свое значеніе,—извѣстной его *Исторіи сербско-хорватской литературы*, написанной авторомъ еще въ 1867 году (u Zagrebu, 1867) по-хорватски и въ 1871 году переведенной на русскій языкъ проф. М. П. Петровскимъ (Казань, 1871). Въ трудѣ этомъ авторомъ между прочимъ сдѣлана была первая попытка возстановить—по даннымъ языка—древнѣйшую первобытную культуру славянъ, культуру ихъ общей, совмѣстной жизни въ Европѣ въ моментъ выдѣленія ихъ отъ другихъ общеарійскихъ племенъ, литовцевъ, германцевъ и т. д. Къ страницамъ, посвященнымъ въ „Исторіи“ Ягича этому трудному вопросу, и теперь, спустя почти сорокъ лѣтъ, въ сущности, прибавлено не много...

Изъ спеціальныхъ изслѣдованій акад. Ягича въ области древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ отмѣтимъ извѣстныя его *Четыре палеографическія статьи* (С.-Пб., 1884), посвященныя разъясненію наиболѣе темныхъ вопросовъ въ исторіи начальной общеславянской письменности, — и превосходный, вышедшій въ прошломъ году, критическій трудъ о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія: *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache* (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Classe, Bd. XLVII. Wien, 1900), гдѣ авторитетный изслѣдователь, въ виду на-

---

[1]) Библіографическіе перечни (не полные) трудовъ акад. Ягича см. въ „Протоколахъ засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета“ за вторую половину 1879—1880 акад. года. 1881, № 22, стр. 67—72; въ „Сборникѣ Отд. русскаго языка и слов. Имп. Ак. Наукъ“, т. XXI, стр. 10—19; т. XXIX, стр. 10—12.

ступленія новаго столѣтія, подводитъ итогъ всѣмъ, накопившимся въ славянской филологической наукѣ—на протяженіи истекшаго столѣтія — вопросамъ, болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ съ дѣятельностью свв. братьевъ по переводу св. Писанія и, вообще, съ ихъ литературной дѣятельностью, подвергая добытые по этимъ вопросамъ результаты научныхъ изысканій вновь самому строгому критическому анализу.

Помимо изданій и изслѣдованій, относящихся къ памятникамъ древнѣйшимъ, цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ изданій и изслѣдованій акад. Ягича относится къ болѣе позднимъ, средневѣковымъ эпохамъ славянскихъ литературъ, къ памятникамъ славянской культуры и письменности XIV—XVI вѣковъ, къ области средневѣковыхъ славянскихъ апокрифовъ, свѣтскихъ повѣстей и сказаній, къ такимъ памятникамъ славянской средневѣковой письменности, какъ *Физіологъ*, *Изреченія Менандра*, къ памятникамъ научно-грамматическаго содержанія, весьма значительно развивающимся въ юго-славянской и древне-русской литературахъ XIV—XVI вѣковъ, и т. д. и т. д. Изысканія въ области памятниковъ *юго-славянскихъ* здѣсь уже ближайшимъ образомъ сливаются съ изученіемъ литературы *древне-русской*; въ то же время изданіе и научное обслѣдованіе памятниковъ, бывшихъ уже отчасти извѣстными,—здѣсь нерѣдко сопровождается обслѣдованіемъ и обнародованіемъ произведеній, совершенно неизвѣстныхъ, открытіемъ новаго цѣннаго матеріала. Изъ этого рода трудовъ акад. Ягича отмѣтимъ:

— Cirilski Zbornik XVI—XVII st. u biblioteci Kukuljevićevoj. Opis s izvadcima. Književnik, III, u Zagrebu, 1866. Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ въ отрывкахъ сербскій текстъ *Физіолога*, позднѣе изданный сполна акад. Ягичемъ въ Starine'хъ, XI.

— Primeri starohérvatskoga jezika iz glagolitskich i cirilskich književnih starinah (u Zagrebu, 1864—1866). Изданіе—до сихъ поръ остающееся въ высшей степени цѣннымъ. Рядомъ съ отрывками изъ древнѣйшихъ текстовъ глаголическихъ и кирилловскихъ, здѣсь помѣщено не мало памятниковъ болѣе поздней юго-славянской письменности XIII, XIV—XVI вѣковъ, характера законодательнаго, изъ литературы житійной, изъ хроникъ, изъ Александріи и т. п.

— Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, u Zagrebu, 1868 (рядъ памятниковъ юго-славянской апокрифической литературы, съ подробнымъ ихъ обслѣдованіемъ).

— Zivot Aleksandra Velikoga. Starine, кн. III, u Zagrebu, 1871

(сербско-хорватскій текстъ средне-вѣкового перевода по разнымъ спискамъ).

— Opisi i izvodi iz nikoliko juznoslavinskih rukopisa. U Zagrebu, I—IV, 1873—1878. Рядъ новыхъ, до того времени или совершенно неизвѣстныхъ или мало обслѣдованныхъ памятниковъ, преимущественно апокрифическихъ, изъ юго-славянской письменности, съ подробнымъ ихъ изученіемъ.

— Die südslavischen Sagen von dem Grabançiaš djak und ihre Erklärung. Archiv für slav. Phil., II, 1876.

— Разборъ изслѣдованія проф. М. И. Соколова: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“ (М., 1888)., „Отчетъ о XXXIII-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. С.-Пб., 1893. Къ обширному критическому разбору присоединено изданіе новыхъ текстовъ.

— Zur Apokryphen-Litteratur. Archiv für slav. Phil., V (по поводу изданія Попова: „Книга бытія небесе и земли“. М., 1881).

— Slavische Beiträge zu dem biblischen Apokryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adamsbuches. Wien, 1893 (Denkschriften Вѣнской Академіи Наукъ).

— Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. С.-Пб., 1894 (разборъ книги Карнѣева: „Физіологъ“. С.-Пб., 1890).

— Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Uebersetzung. Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien, Bd. CXXVI, 1892.

— Rasum i filosofia iz srpskih književnih starina. Споменик, т. XIII. Бѣлградъ, 1892.

Отдѣльно долженъ быть поставленъ давно начатый и сравнительно лишь недавно оконченный монументальный трудъ акад. Ягича, изданный II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ,—по изученію и изданію южно-славянскихъ и древнерусскихъ грамматическихъ текстовъ: *Разсужденія южно-славянской и русской старины о древне-славянскомъ языкѣ* (С.-Пб., 1885—1895 гг.). Огромный фоліантъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ юго-славянской и древне-русской письменности, содержаніемъ своимъ трактующихъ, съ современной имъ точки зрѣнія, научные вопросы по древне-славянскому языку,—отчасти историческаго, отчасти грамматическаго характера, по исторіи славянскаго алфавита, по переводу на славянскій языкъ книгъ св. Писанія, особенно по орѳографіи, съ изложеніемъ различныхъ современныхъ

грамматическихъ системъ и т. д. Въ ряду этихъ текстовъ изданъ между прочимъ и извѣстный трудъ Димитрія Герасимова—„Мити Малаго, толмача латинскаго“, какъ онъ называется въ одной рукописи—переводъ средневѣкового *Донатуса*. Къ изданнымъ текстамъ присоединены обширныя поясненія и примѣчанія.

Съ изученіемъ письменности старо-славянской и древне-русской тѣсно связываются изслѣдованія акад. Ягича въ области древне-славянской и русской поэзіи. Относящіеся сюда его труды не были многочисленны и обширны,—отчасти носили даже какъ бы случайный характеръ, такъ какъ стояли сравнительно слишкомъ далеко отъ спеціальныхъ интересовъ знаменитаго слависта. Передъ нами здѣсь—лишь двѣ-три болѣе обширныхъ работы, и затѣмъ лишь рядъ мелкихъ замѣтокъ, критическихъ рецензій и т. п.; но это нисколько не уменьшаетъ высокой научной важности этого рода экскурсовъ нашего изслѣдователя. Его какъ бы случайныя работы въ области памятниковъ славянской народной поэзіи, въ области русскихъ былинъ, духовныхъ стиховъ — были замѣчательны по той новой общей точкѣ зрѣнія, новому методу, пріемамъ изученія, которые были положены авторомъ въ ихъ основу, и которые ставили эти работы въ ближайшую связь съ начавшимися здѣсь уже гораздо ранѣе болѣе спеціальными трудами въ томъ же направленіи акад. А. Н. Веселовскаго. Частичныя, случайныя изысканія здѣсь Ягича какъ нельзя лучше усиливали и поддерживали это новое, уже съ конца 60-хъ гг. возникшее въ нашей наукѣ движеніе, вполнѣ обосновавшееся лишь къ 80-мъ гг., во главѣ котораго стоялъ акад. Веселовскій, — которое давало совершенно новую постановку въ изученіи устныхъ народныхъ произведеній, „совершало преобразованіе въ цѣломъ пониманіи древняго русскаго эпоса“, выдвигая здѣсь совершенно новый критическій пріемъ—„реальной критики“.

Вмѣстѣ съ спеціальными трудами Веселовскаго, экскурсы Ягича открывали собою здѣсь то направленіе науки, которое такъ блестяще оправдалось современнымъ состояніемъ изученій въ этой области.

Время, когда стали появляться въ наукѣ первые труды Веселовскаго, къ которымъ вскорѣ примкнули упомянутыя работы Ягича,—было временемъ, когда молодой, сравнительно недавно передъ тѣмъ возникшей и развившейся, наукѣ „сравнительной миѳологіи“ и у насъ и на западѣ „не особенно счастливилось“... Это было время наиболѣе крайнихъ увлеченій миѳологической экзегезой. Изслѣдователи „само-

вольно накладывали на себя руки", отказываясь отъ всякой попытки къ какимъ-либо самостоятельнымъ выводамъ, хоть сколько-нибудь выходившимъ изъ рамокъ миѳологическаго шаблона... „Заявивши свое пришествіе въ семью другихъ сродныхъ съ нею наукъ книгой Куна, блестящими этюдами Макса Мюллера, сравнительная миѳологія на этомъ и остановилась. Продолжатели Куна и Макса Мюллера мало подвигали дѣло впередъ; большинство ихъ, работники второй руки, увѣровавши закрывъ глаза въ два-три положенія, высказанныя учителями, спѣшили приложить ихъ къ какой-либо спеціальной задачѣ, не заботясь о провѣркѣ принциповъ"... „Слѣдуя за Куномъ или Максомъ Мюллеромъ, всѣ сравненія имѣли единственною цѣлью подтверждать либо солярную, либо метеорологическую теорію и, зная заранѣе взглядъ изслѣдователя, читатель могъ быть вполнѣ увѣренъ, что всѣ детали, какія представляютъ разбираемые миѳы, будутъ въ концѣ концовъ приведены къ одному знаменателю,—войдутъ въ поэтическую картину или грозы (Кунъ), или восхода солнца (М. Мюллеръ)"... Увлеченія теоріей были самыя крайнія. Всякую обыденную исторію норовили обратить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи... Гипотеза миѳа такъ удобна! Общія мѣста, мотивы, положенія, повторяющіяся тамъ и здѣсь, иногда на такихъ разстояніяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ, что между ними нѣтъ видимой, услѣдимой связи—что это такое, какъ не миѳъ, какъ не осколки одного какого-нибудь общаго миѳа?.. Стоило однажды стать на эту точку зрѣнія, и возсозданіе миѳа и объясненіе его дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается миѳическая экзегеза!". Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго, героя очень реальной chanson de geste, хотѣли обратить въ германскаго бога,—потому что у того и другого нашлись родныя черты... Шварцъ не прочь былъ отыскивать миѳы въ пѣсняхъ Гейне, Де-Губернатисъ отыскивалъ ихъ у Рабле, у Гюго!.. Болѣе широкія изученія за позднѣйшее время области народной поэзіи въ связи съ памятниками письменности средневѣковой, европейской, и другихъ народовъ, особенно восточныхъ и славянскихъ, не могли не измѣнить характера научныхъ изслѣдованій, — какъ-то незамѣтно весьма значительно съузили область древней миѳологіи, значительно урѣзали выводы старыхъ миѳологическихъ изученій и

вообще самыя изученія заставили обратить на другія стороны. Многое въ старыхъ изысканіяхъ разомъ получило совершенно другое освѣщеніе, иное толкованіе. Въ то же время, въ обширномъ изслѣдуемомъ матеріалѣ выступили стороны, остававшіяся до того времени почти незамѣчаемыми. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ въ сравненіи ихъ между собой и съ живымъ современнымъ „фольклоромъ“ указало уже очень скоро внѣ всякаго сомнѣнія съ одной стороны обильные запасы *книжнаго* заимствованія въ средніе вѣка, факты *международной* передачи сказаній и продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ *современной народной памяти*; съ другой, въ отношеніи къ послѣднему, „обнаружилось, что многое, что̀ могло бы показаться чисто народнымъ миѳомъ, бывало не болѣе, какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ“... Въ то же время, новая точка зрѣнія ставила на видъ, что область миѳологіи нельзя ограничивать лишь небесными, облачными миѳами. „Облачные миѳы, замѣчалъ акад. Веселовскій, играютъ большую роль при началѣ разныхъ миѳологій; это одни изъ основныхъ миѳовъ, — *но не существенные*“... Рядомъ съ миѳами неба, грозы и молніи, восхода и захода солнца, должны стоять миѳы животныхъ и растеній. Разные миѳологическіе циклы возникали самостоятельно и существовали совмѣстно, хотя и развивались неровно. Животныя сказки даже вовсе не могутъ быть привязаны къ обычному миѳу, — и акад. Веселовскій никакъ не допускаетъ, чтобы продѣлки нашей Лисы Патрикѣевны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ... Раньше миѳологической коровы или другого миѳологическаго животнаго, раньше борьбы небесной, происходившей въ облакахъ, человѣкъ зналъ простыхъ животныхъ, видѣлъ борьбу враговъ земныхъ, около себя. Если небесные, облачные миѳы и образовались по отношеніямъ земной жизни,—все же сначала человѣкомъ усмотрѣны были эти, земныя, отношенія... „Миѳъ закрѣплялъ обыденныя отношенія въ болѣе широкіе образы; но эти отношенія могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ, кромѣ миѳа. Народная память сохраняла разсказъ о набѣгѣ одного племени на другое, о единоборствѣ двухъ витязей, о кровавой драмѣ въ семьѣ старшины — и готовъ былъ эпическій разсказъ, зародышъ народнаго эпоса. Этотъ разсказъ могъ имѣть сходныя черты съ мотивами облачнаго миѳа; но это сходство могло состояться безъ всякой генетической связи между ними. И если миѳъ религіозный съ теченіемъ времени обезцвѣчивался и дѣлался

сказкой, то могло то же самое случиться и съ реальнымъ эпическимъ разсказомъ: историческія имена забывались, мѣстныя черты отпадали—и точно также являлась *сказка*. Такимъ образомъ не все въ сказкѣ принадлежитъ миѳу, — многое возникло изъ реальныхъ житейскихъ отношеній"... Наконецъ, помимо всего,—и въ области самого миѳа, какъ такового, новая точка зрѣнія выдвигала на видъ новую сторону: необходимо имѣть въ виду, что миѳъ также имѣлъ и имѣетъ свою исторію. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло чаще всего съ миѳами, прошедшими уже длинный процессъ *разъединенія* (раздвоенія) и *осложненія*, вообще смѣшенія *старыхъ миѳовъ* и созданія *новыхъ*. Особенно важно имѣть въ виду процессъ *развитія миѳа* на почвѣ позднѣйшихъ христіанскихъ сказаній, вообще на почвѣ христіанства и книжности. Вопросъ научнаго обслѣдованія сводится здѣсь къ тому, чтобы отличить эти, болѣе поздніе, миѳологическіе сюжеты, болѣе поздніе миѳологическія наслоенія и наросты, а нерѣдко даже и вполнѣ самостоятельные отпрыски — отъ того что можно считать кореннымъ и не случайнымъ.

Такова была новая точка зрѣнія, на которую постепенно стали въ своихъ изслѣдованіяхъ представители новаго направленія въ изученіи памятниковъ народнаго творчества въ нашей и западной наукѣ—Бенфей, Маннгардтъ, акад. Веселовскій. На той же новой научной почвѣ стояли и этюды акад. Ягича въ области изученія памятниковъ славянской и русской народной поэзіи. При небольшомъ объемѣ,—его изслѣдованія этого рода навсегда сохранятъ выдающееся мѣсто въ общей исторіи нашихъ историко-литературныхъ изученій. Такова замѣчательная статья акад. Ягича, посвященная выдѣленію христіанскихъ наслоеній въ русскомъ эпосѣ — *Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik* (Archiv für slav. Philol., 1875); столь же цѣнно въ общемъ ходѣ историко-литературныхъ изученій его изслѣдованіе объ историческомъ развитіи славянской и русской народной поэзіи: *Gradja za historya slovinske narodne poesije* (Rad jugosl. Akademije znanosti i umjetnosti, t. XXXVII, 1876).

Новая точка зрѣнія открывала совершенно новый путь „для объясненія самой сущности развитія нашего эпоса". „Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, говоритъ акад. Пыпинъ, тѣмъ обильнѣе были открытія, и тѣмъ ярче выступало значеніе, во-первыхъ, того запаса восточно-эпическаго матеріала, который переходилъ черезъ Византію въ міръ южно-славянскій и русскій, съ другой въ западную Европу, — во-вторыхъ, христіанской легенды и апокрифи-

ческихъ сказаній"... Выдвинуть на видъ эту сторону изучаемаго матеріала было одной изъ важнѣйшихъ и существенныхъ заслугъ новаго направленія научныхъ изученій. Ставя научныя изысканія на почву болѣе поздней и близкой къ намъ исторической жизни народа и вообще временъ позднѣйшихъ,—новая теорія разомъ устраняла всю ту произвольность въ научныхъ толкованіяхъ, столь широкое поле для которыхъ давала старая миѳологическая теорія. „Произвольная миѳологія, продолжаетъ акад. Пыпинъ, надѣлила было насъ цѣлой разнообразной панорамой мнимо-національныхъ преданій; она успѣла проникнуть даже въ учебную литературу и обогатить ее фальшивой миѳологіей и фальшивой древностью... Надо было когда-нибудь кончить, напримѣръ, съ такими объясненіями, что Илья Муромецъ—молнія, а Соловей Разбойникъ—грозовая туча; что Добрыня Никитичъ—тоже молнія, а Тугаринъ Зміевичъ — тоже туча и т. д. Сами изобрѣтатели этой миѳологіи не въ состояніи были дать никакого осязательнаго доказательства, почему это такъ, а не иначе, почему для одного и того же явленія природы понадобилось столько тожественныхъ выраженій, и куда дѣвать все остальное содержаніе сказаній, не идущее ни къ молніи, ни къ тучѣ"... Въ виду всѣхъ этихъ крайностей, превращавшихъ научныя изслѣдованія въ арену всевозможныхъ фантазій и домысловъ,—блестящія сопоставленія различныхъ чертъ народной поэзіи съ памятниками письменности, которыми полна первая изъ названныхъ сейчасъ статей акад. Ягича,—цѣлый рядъ чисто фактическихъ сближеній русскихъ былинъ съ упоминаніями и указаніями лѣтописными, дѣлаемыхъ имъ во второй, были не только въ высшей степени важными научными пріобрѣтеніями, но имѣли и общее чисто методологическое значеніе: они разрѣжали слишкомъ спертую quasi-ученую атмосферу господствовавшаго направленія изученій... (См. *Веселовскаго*, Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ноябрь, стр. 281 — 359. *Его-же* — предисловіе къ изслѣдованію: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ". С.-Пб., 1872. *Его-же*, Сравнительная миѳологія и ея методъ. *Вѣстникъ Европы*, 1873, октябрь, стр. 637—680. Въ особенности же—извѣстный трудъ акад. *Пыпина*, „Исторія русской этнографіи", которымъ мы главнымъ образомъ пользуемся).

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ въ ученой дѣятельности акад. И. В. Ягича является редактированіе извѣстнаго, основаннаго имъ,

ученаго журнала *Archiv für slavische Philologie*, существующаго болѣе 25-ти лѣтъ. Основанный акад. Ягичемъ въ 1876 г., по широтѣ своей программы не имѣющій предшественниковъ, — „Archiv“ и до сихъ поръ остается единственнымъ спеціальнымъ журналомъ по славянской филологіи, сосредоточивая вокругъ себя лучшія, наиболѣе выдающіяся силы и русской и западно-славянской филологической науки. Представляя въ каждомъ своемъ томѣ богатое и разнообразное содержаніе, постоянно обогащая разные отдѣлы славистики новыми капитальными изслѣдованіями и цѣнными матеріалами,—изданіе вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно слѣдитъ за научной разработкой предмета, отводя у себя значительное мѣсто обширнымъ библіографическимъ обзорамъ и критическимъ статьямъ... Являясь въ строгомъ смыслѣ „европейскимъ“ спеціально-ученымъ журналомъ, — „Archiv für slavische Philologie“, вмѣстѣ съ этимъ, своимъ возникновеніемъ составлялъ еще совершенно особую, весьма существенную и важную заслугу,—въ отношеніи ко всему славянству, къ научной постановкѣ всей вообще славянской филологіи въ ряду другихъ научныхъ дисциплинъ запада: благодаря именно этому нѣмецкому журналу акад. Ягича, за послѣднія десятилѣтія совершилась какъ бы общая реабилитація славянства, „славянской филологіи“ въ глазахъ ученой Европы. Изученіе славянства заняло свое прочное мѣсто въ европейской наукѣ. Въ этомъ отношеніи для славяновѣдѣнія, для упроченія и развитія въ Европѣ славистики,—И. В. Ягичемъ сдѣлано было то же, что̀ нѣсколько позднѣе сдѣлано было извѣстнымъ К. Крумбахеромъ для византологіи, изученія литературы и культуры Византіи, основаніемъ „*Byzantinische Zeitschrift*“. Журналъ, основанный и редактируемый акад. Ягичемъ, болѣе, чѣмъ что другое, способствовалъ паденію и окончательному истребленію въ глазахъ ученой Европы того научнаго предразсудка, что старославянская письменность и ничтожна и бѣдна, лишена всякаго самостоятельнаго значенія и не заслуживаетъ серьезнаго изученія. Предразсудокъ былъ въ западной наукѣ столь силенъ, держался столь упорно, что опроверженіе его съ каѳедры Вѣнскаго университета, еще въ 1886 году, даже для многихъ профессоровъ,—было „откровеніемъ“... Въ этомъ отношеніи вступительная лекція академика Ягича, упомянутая нами выше, прочитанная имъ въ 1886 году въ стѣнахъ Вѣнскаго университета, при открытіи здѣсь своихъ университетскихъ чтеній—въ которой открыто высказаны были столь авторитетнымъ славистомъ эти взгляды — являлась какъ бы историческимъ событіемъ... (См. о ней

акад. *Веселовскаго*,—*Вѣстникъ Европы*, 1886, ноябрь, стр. 412 — 445).

Въ своей статьѣ мы, конечно, далеко не могли сдѣлать полной и всесторонней характеристики сорокалѣтней дѣятельности на поприщѣ науки знаменитаго ученаго—во всѣхъ ея деталяхъ, въ разнообразіи всѣхъ тѣхъ научныхъ отдѣловъ и вопросовъ, которыхъ она касается тѣми или другими отдѣльными своими статьями, изданіями, критическими и библіографическими замѣтками. Да это и не было нашей цѣлью; во многихъ случаяхъ это значило бы касаться исторіи всей славянской науки за послѣднія сорокъ лѣтъ... Въ безконечномъ рядѣ ученыхъ трудовъ акад. Ягича—передъ нами сорокъ лѣтъ самой кипучей, неустанной научной дѣятельности, необыкновенно широкой и разнообразной, съ подавляющей эрудиціей, съ той необычайной энергіей, всегда живымъ интересомъ къ дѣлу, яснымъ критическимъ взглядомъ, которые производятъ такое обаяніе при личныхъ сношеніяхъ съ Игнатіемъ Викентьевичемъ... Цѣлая эпоха совершилась въ области европейской науки за послѣднія 40 лѣтъ; громадный шагъ впередъ сдѣлала и славянская филологія за эти 40 лѣтъ, — и въ весьма многихъ и многихъ своихъ спеціальныхъ отдѣлахъ и вопросахъ наиболѣе цѣнными своими пріобрѣтеніями она обязана здѣсь трудамъ акад. И. В. Ягича!..

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
Академии